

Василиюс САФРОНОВАС

О ТЕНДЕНЦИЯХ ПОЛИТИКИ ВОСПОМИНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТВЕ

Вступительные замечания

Исследования социальной памяти, которые в последние десятилетия весьма активизировались по всей Европе, позволяют констатировать, что в одной и той же культурной среде всегда существуют предпосылки для разных интерпретаций значений одних и тех же символов и образов прошлого. Это особенно очевидно применительно к тем символам и образам, которые актуальны для еще живых очевидцев, поскольку они связаны с непосредственно пережитым – соответственно, всегда разным – опытом. Что уж говорить о культурных средах, которые отделены одна от другой территориальными, языковыми и прочими коммуникационными барьерами! С другой стороны, надо учитывать постоянно идущее сокращение разнообразия восприятий прошлого – процесс, который два десятилетия тому назад Пьер Нора охарактеризовал как превращение *milieux de mémoire* в *lieux de mémoire*.¹ Историкам в ходе этого процесса обычно принадлежит prerogative определять, какая интерпретация является “истинной”. Однако важно понимать, что на реализацию этой prerogative влияет не только теоретический и методологический аппарат, но и ценностные ориентации, уже суще-

¹ Pierre Nora. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. Vol. 26. Pp. 7-24.

ствующие в определенной культурной среде или намеченные ею как перспективные и желаемые. Ориентировочная функция актуализации прошлого еще очевиднее тогда, когда этим начинают заниматься уже не историки, а политики и другие участники публичной коммуникации. Они пользуются властью не только для того, чтобы определять “историческую истину”, но и чтобы закреплять за ней статус единственно возможной.

В предлагаемом на этих страницах анализе тенденций политики воспоминания в нынешней Литве я не стремлюсь определить, что же является “исторической истиной”. Мне кажется, намного актуальнее выяснить, почему одни интерпретации прошлого превращаются в “историческую истину”, получая доминирующий статус, в то время как другие маргинализируются или вовсе подавляются. Мною движет желание установить, как и почему в нынешней Литве используется власть, предоставляющая символам и образам прошлого гегемониальный статус, какие символы и образы для этого подбираются, а какие отвергаются.

Жак Ле Гофф когда-то писал, что “установление контроля над воспоминанием и забвением является одной из постоянных забот классов, групп и индивидов, которые доминировали или все еще доминируют в исторических обществах”.² В академическом дискурсе уже создано не одно понятие, которое характеризует такого рода тенденции.³ В настоящей статье я, прежде всего, употребляю понятие “политики воспоминания”, которое интерпретирую через его отношение к другому понятию – “культура воспоминания”. На мой взгляд, именно эти категории помогают адекватно выразить наиболее широкий диапазон способов репрезентации прошлого и отношений к нему. Содержание этих понятий определяется следующим соображением: прошлое в нашей коммуникации важно настолько, насколько оно актуализируется различными репрезентациями, которые, в свою очередь, функционируют в определенной системе значений. Выражаемую символами систему значений (поведение, конвенции, нормы и т. д.), актуализирующую прошлое и стимулирующую коллективную память, я называю *культурой воспоминания*. Отношение политики воспоминания

² Jacques Le Goff. *History and Memory*. New York, 1992. P. 54.

³ О понятиях и их значениях см.: Vasilijus Safronovas. *Expressions of Domination in the Discourse of the Representations of the Past* // V. Michelkevičius, A. Narušytė, L. Michelkevičė (Eds.). *Mapping Lithuanian Photography: Histories and Archives*. Vilnius, 2007. Pp. 137-159.

к культуре воспоминания я понимаю как стремление навязать власть или преобладание. Основываясь на подходах М. Фуко, Ж. Ф. Лиотара и Ж. Бодрийяра,⁴ *политику воспоминания* я предлагаю понимать как манипуляцию символами и образами прошлого, осуществляемую на всех уровнях социальной реальности агентами власти. В определенном смысле это необходимая, дисциплинирующая общественное воспоминание деятельность, дискурс о прошлом в самом широком смысле, который циркулирует в общественной коммуникации и, представляя власть, занимает в ней доминирующую позицию (власть в данном случае понимается как способность подчинить своей воле посредством управления коммуникационными сообщениями).

Источниками политики воспоминания можно считать формальные и неформальные общественные ассоциации различного масштаба, которым присуще особое восприятие прошлого и использование его в своей идентификационной идеологии. Следовательно, потенциальными источниками политики воспоминания следует считать и различные группы интересов, и политические партии. Политика воспоминания как таковая начинается тогда, когда посредством множества действующих в общественной коммуникации агентов реализуется власть, позволяющая последовательно поддерживать определенные восприятия и ориентации. Цели политики воспоминания, прежде всего, заключаются в употреблении символов и представлений прошлого для легитимации социального и политического порядка, для создания и укрепления согласованности и гражданского мира и для подавления потенциальных и актуальных конфликтов, возникающих на основе различного восприятия прошлого. Также здесь следует упомянуть усилия, направленные на ориентацию или поддержание коллективной идентичности.

Все это осуществляется посредством эскалации (или, наоборот, устранения) определенных мифов, стереотипов и образов, регулирования содержания воспоминания через соответствующее законодотворчество, регламентацию государственных праздников и памятных дней, организацию различных юбилейных программ, контроль над учебниками по истории и историографией. Указанные способы придания символам и представлениям прошлого особого статуса в общественной коммуникации в данной статье исследуются с целью выявления нынешних тенденций политики воспоминания в Литве.

⁴ См.: Michel Foucault. *L'ordre du discours*. Paris, 1971; Jean-François Lyotard. *La Condition postmoderne. Rapport sur le savoir*. Paris, 1979; Jean Baudrillard. *Simulacres et simulation*. Paris, 1981.

Контексты памяти середины 1980-х – начала 1990-х годов

Возможности влияния политики воспоминания во многом зависят от того, в какие отношения она вступает с уже существующими в обществе восприятиями прошлого. Как показали исследования, люди настолько доверяют своей памяти, что с трудом принимают интерпретации символов и образов прошлого, радикально отличающиеся от их собственного жизненного опыта.⁵ Поэтому, прежде чем обратиться к анализу тенденций политики воспоминания в нынешней Литве, необходимо попробовать представить себе некоторые контексты коллективной памяти жителей Литвы к началу “перестройки”.

Прежде всего, нужно иметь в виду, что набор символов и представлений о прошлом, на которых основывалась литовская национальная идентичность, за столетие, прошедшее со времен возникновения литовского национализма, претерпел немного изменений. Посредством утверждения этих символов и представлений в коммуникационной среде Литовской Республики периода 1918–1940 г. проходил процесс, который Джордж Л. Моуз в контексте истории Германии назвал “национализацией масс”.⁶ Даже советский режим в Литве, нуждавшийся в авторитете и социальной поддержке (особенно после 1953 г., когда опора на репрессивные структуры в прежнем масштабе стала невозможной), пользовался лишь чуть модифицированным набором традиционных образов национального прошлого.⁷ Как и в “националистической” концепции прошлого Литвы, главным субъектом “советской” концепции оставалась перенниалистически понимаемая литовская нация, хотя ее содержание и было редуцировано до “трудящихся”. Следовательно, основной набор культурных элементов, в том числе обращенных в прошлое, который делал литовцев литовцами, никогда

⁵ Например, Harald Welzer, Sabine Moller, Karoline Tschuggnall. “Opa war kein Nazi”. Nationalsozialismus und Holocaust im Familiengedächtnis. Frankfurt am Main, 2002; Karoline Tschuggnall, Harald Welzer. *Rewriting Memories: Family Recollections of the National Socialist Past in Germany* // *Culture & Psychology*. 2002. Vol. 8. No. 1. Pp. 130-145.

⁶ George L. Mosse. *The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars Through the Third Reich*. New York, 1975.

⁷ См.: Barbara Christophe. *Staat versus Identität: zur Konstruktion von “Nation“ und “nationalem Interesse“ in den litauischen Transformationsdiskursen von 1987 bis 1995*. Köln, 1997. S. 48-63; Arūnas Streikus. *Istorinės atminties sovietizavimo ypatybės Lietuvoje* // *Naujasis židinys–Aidai*. 2005. Nr. 9 (177). Pp. 370.

не устранялся из общественной коммуникации. Разница между довоенной и советской Литвой в принципе заключалась лишь в интенсивности использования этих элементов и, соответственно, в эффекте их воздействия на общество. Кроме того, важно учитывать дистанцию, существовавшую между официальным дискурсом и частным опытом людей. Она особенно увеличилась в советское время, отчасти из-за того, что советский режим достаточно грубо навязывал восприятие прошлого, имевшее мало общего с непосредственным опытом населения. Учитывая сказанное, я бы выделил три момента, принципиальных для обсуждения памяти жителей Литвы середины 1980-х годов.

1) Существовала разница между теми, кто был заинтересован в познании прошлого, и теми, кому такой заинтересованности не доставало. Подобное деление стало результатом футуристической направленности советского режима: в отличие от межвоенной Литвы, где настоящее объяснялось символами и представлениями прошлого, в послевоенные годы прошлое, как источник ориентаций жизненной деятельности, явно уступало по значению “светлому будущему”. Кроме того, в школах и вузах молодежь Литвы обучалась не столько истории Литвы, сколько истории СССР и всемирной истории. В средних учебных заведениях республики история Литовской ССР в виде отдельного предмета не преподавалась, ученики знакомились с ней в общем контексте истории СССР. Сказанное подводит нас к следующему тезису:

2) Существовала разница между той частью населения, которая, будучи знакомой с альтернативной (по отношению к официальной) “националистической” концепцией прошлого Литвы, могла воспринимать советское настоящее в свете этих знаний, и теми, кто не имел такой возможности. Воплощавшая “националистическую” концепцию историография смотрела на прошлое Литвы через призму собственной государственности, и значительная часть литовцев, особенно те, кто имел гуманитарное образование либо был сведущим в искусстве, подпольно интересовалась этой историографией. “Советская” же концепция связывала традицию государственности Литвы с “эксплуататорами литовского народа” – феодалами и буржуазией. О поддержании отдельной государственной идентичности литовцев в советское время не могло быть и речи. Если такие попытки и возникали, они довольно быстро подавлялись, поскольку именно Советский Союз должен был стать своим государством для литовцев. Соответствующее восприятие закреплялось не только в рамках преподавания истории в школах, но и на уровне государственных праздников. Все государственные праздники,

отмечавшиеся в Литовской ССР (Новый год, Международный женский день, День международной солидарности трудящихся, День Победы, День Конституции СССР, годовщины Октябрьской “революции”⁸), были общесоветскими и не содержали в себе ничего специфически “литовского”. Поэтому не удивительно, что открытие собственной традиции государственности во времена “перестройки” и “гласности” для некоторых жителей Литвы стало неожиданностью. Довольно большая часть населения до середины 1980-х годов имела лишь минимальные знания об альтернативной концепции прошлого Литвы.⁹

3) Существовала разница между частью населения, которую затронули трагические события середины XX века, и теми, кто в эмоциональном смысле воспринимал эти события нейтрально. Главная проблема заключалась в том, что официальная версия этих событий зачастую расходилась с персональным опытом очевидцев – особенно бывших ссыльных в Сибирь, но также и ветеранов Великой Отечественной войны. У очевидцев это вызывало недоверие к официальной версии прошлого, а также заинтересованность в том, чтобы в конце концов была рассказана “настоящая” история.

Когда во времена Михаила Горбачева из Москвы стали поступать сигналы, что говорить о преступлениях сталинизма можно свободнее, именно воздействие бывших ссыльных было решающим в инициировании общественных дебатов о восприятии прошлого Литвы, прежде всего – событий середины XX века. В ходе открытой дискуссии наметились потребности в “очищении” “националистической” концепции литовского прошлого от модификаций советского времени. Массовое переиздание довоенной историографии не только выявило неспособность лояльных режиму историков быстро реагировать на изменившиеся условия, но и стало инструментом гомогенизации и нивелирования воспоминаний многих людей.

Как только в 1988 г. стало ясно, что контроль над общественной коммуникацией начинает выскальзывать из рук режима, пострадавшие от него люди все активнее решались бросить вызов властям. Они стали открыто отмечать годовщины сталинских депортаций, устраивать

⁸ Государственные праздники указаны согласно Трудовому кодексу Литовской ССР: LTSR įstatymas Dėl Lietuvos Tarybų Socialistinės Respublikos darbo įstatymų kodekso patvirtinimo. 1972 VI 1 // LTSR Aukščiausiosios Tarybos ir Vyriausybės žinios. 1972. VI 30. Nr. 18-137.

⁹ Сравни: Česlovas Laurinavičius, Vladas Sirutavičius. Lietuvos istorija. XII tomas, I dalis: Sąjūdis: nuo “persitvarkymo” iki Kovo 11-osios. Vilnius, 2008. Pp. 28-30.

демонстрации, говорить о послевоенном терроре в Литве и о пакте Молотова-Риббентропа. В ответ на требование восстановить права бывших ссыльных Совет Министров Литовской ССР пошел на уступки и 22 сентября 1988 года принял постановление о реабилитации депортированных в 1949 и 1951 гг. (это постановление не касалось депортированных в 1941 и 1948 гг.).¹⁰ Однако мощное вторжение националистического дискурса в общественную сферу в 1988–1989 гг. лишало подобные уступки серьезного значения.

Общественная напряженность возросла к 16 февраля 1988 года – кануну отмечания принятия акта о независимости Литвы в 1918 г. Немного позднее были преданы гласности обстоятельства вступления Литвы в СССР в 1940 году (ультиматум, введение Красной армии). Стало очевидным, что конъюнктура “гласности” в Литве поставила на повестку дня вопрос о независимой государственности. Это было, с одной стороны, покушением на миф происхождения¹¹ Литовской ССР (под влиянием публичных сомнений в обоснованности “социалистической революции” 1940 г.), а с другой – началом закладки фундамента под новый миф происхождения, центральным символом которого стал пакт Молотова-Риббентропа. Этот символ приобрел особую важность в деле сплочения общества на основе новых представлений о социальном и политическом порядке в ходе отмечания годовщин его подписания. В 1988 году это событие собрало сотысячный митинг, а в 1989 г. в Литве, Латвии и Эстонии прошла миллионная акция молчаливого протеста (так называемый “Балтийский путь”).

Какие направления развития это могло придать политике воспоминания Литвы?

Одним из наиболее ранних факторов, позволяющих рассуждать о контурах зарождающейся политики воспоминания, стала осуществленная в 1990 году замена праздничных и памятных дней. Принятый 9 февраля 1990 г., буквально за месяц до провозглашения независимости Литвы, Закон о праздниках следует считать переходным вариантом, иллюстрировавшим как избранный Литовской ССР курс

¹⁰ Alfred Erich Senn. *Lithuania Awakening*. Berkeley, 1990. P. 146.

¹¹ Термин “миф происхождения” (нем. Gründungsmythos) утверждает существование в разных группах населения определенных мифов, которые посредством рассказа сюжетов о происхождении, начале, учреждении или основании институтов и событий утверждают групповую общность и уникальность. Сравни: Matteo Galli, Heinz-Peter Preußer (Hg.). *Deutsche Gründungsmythen (Jahrbuch Literatur und Politik, Bd. 2)*. Heidelberg, 2008.

на независимость, так и тенденции переходного периода в развитии Коммунистической партии Литвы. Если не обращать внимания на поправки, связанные с объявлением праздниками Св. Рождества и Дня почитания усопших, новый закон дополнил список праздников днем 16 февраля (принятие акта о независимости Литвы в 1918 г.) и отменил День конституции СССР (статус Дня Октябрьской революции в этом документе оставался прежним). Подобная важная, но тем не менее косметическая перемена, видимо, была результатом усиления националистического лагеря внутри КП Литвы, перехода этой политической силы на позиции националистического дискурса. Все яснее начала проявляться тенденция изображения себя как партии, выступающей против “диктата извне”¹² (уже в конце 1989 г. большинство членов КП Литвы дальновидно отказались от принадлежности к КПСС).

После восстановления независимости, летом 1990 г., Верховный Совет Литвы нового созыва начал подготовку законов о праздничных и памятных днях, которые были приняты в конце октября.¹³ В этих законах уже прямо отвергались праздники государства, из состава которого вышла Литва. Это является закономерным проявлением политических перемен. Так, свой праздничный статус утратили дни 8 марта, 9 мая и 7 ноября, а 1 мая из дня праздничного стал днем памятным. С другой стороны, несмотря на влияние в тот период межвоенного дискурса, при утверждении нового списка праздничных и памятных дней не происходило слепого копирования межвоенных образцов. Праздники и памятные дни не были “спущены сверху”, они утверждались после внимательного рассмотрения предложений разнообразных общественных групп.

Для сравнения необходимо упомянуть, что в межвоенной Литве праздники регулировал закон 1924 г. Он включал множество религиозных праздников, а единственным праздничным днем, связанным с историей государства, был день независимости Литвы – 16 февраля. Кроме того, статус выходного дня имел день принятия конституции Литовского государства (1 августа).¹⁴ В 1925 г. последовала поправка,

¹² Сравни: Terry D. Clark. Jovita Pranevičiūtė. Perspectives on communist successor parties. The case of Lithuania // *Communist and Post-Communist Studies*. 2008. Vol. 41. P. 444.

¹³ LR įstatymas Dėl švenčių dienų. 1990. X 25. Nr. I-712 // *Valstybės žinios*. 1990. XI 10. Nr. 31-757; LR Aukščiausiosios Tarybos Prezidiumo įsakas Dėl atmintinų dienų. 1990. X 31. Nr. I-730 // *Valstybės žinios*. 1990. XI 20. Nr. 32-777.

¹⁴ Švenčių ir poilsio įstatymas. 1924 XI 18 // *Vyriausybės žinios*. 1925. II 02. Nr. 181. Pp. 1-2.

дополнившая список праздничных дней днем созыва Учредительного Сейма (15 мая).¹⁵ Однако в рамках адаптации к потребностям режима Антанаса Сметоны закон вновь был пересмотрен: наряду с религиозными праздниками в нем оставили только два, связанных с историей государства, – 16 февраля и “Национальный праздник” 8 сентября (день несостоявшейся коронации Витаутаса, до 1930 г. отмечавшийся как праздник рождения Св. Марии).¹⁶

В 1990 году вернулись религиозные праздники (о роли которых нужно говорить особо), но прежде всего произошло важное изменение, связанное с актуализацией символики времен Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ), о чем речь пойдет ниже. От праздника 8 сентября, который в межвоенные годы укреплял культ великого князя Витаутаса и служил легитимации авторитарного режима,¹⁷ было решено отказаться, и он стал лишь памятным днем. С другой стороны, по предложению группы историков и общественных деятелей был введен совершенно новый государственный праздник – день коронации в 1253 г. короля Литвы Миндаугаса, точную дату которого (6 июля) определил историк Эдвардас Гудавичюс. Создатели Закона о памятных днях приняли почти все предложения организации ссыльных, и в список памятных дней вошли 14 июня (день начала первой массовой депортации жителей Литвы в Сибирь в 1941 г.), 23 августа (день заключенного в 1939 г. пакта Молотова-Риббентропа), уже упомянутое 8 сентября и 23 ноября (день начала организации армии Литвы в 1918 г.). Верховный Совет также включил в список памятных дней 7 мая (отмена запрета на “литовскую печать”, т.е. использование латинского алфавита, в 1904 г.) и 15 июля (день Грюнвальдской битвы 1410 г.), что подтверждало жизнеспособность национальных мифов. Была отдана и дань еврейской общине – день геноцида евреев Литвы (23 сентября, дата ликвидации

¹⁵ Švenčių ir poilsio įstatymo pakeitimas. 1925 V 5 // Vyriausybės žinios. 1925. V 9. Nr. 191. P. 6.

¹⁶ Švenčių ir poilsio įstatymas // Vyriausybės žinios. 1930. V 14. Nr. 328. Pp. 2-3.

¹⁷ Vladas Sirutavičius. Šventės nacionalizavimas. “Tautos šventės” atsiradimas Lietuvos Respublikoje XX amžiaus 4-ajame dešimtmetyje // Vladas Sirutavičius, Darius Staliūnas (Sud.). Nacionalizmas ir emocijos (Lietuva ir Lenkija XIX-XX a.) (Lietuvių Atgimimo istorijos studijos. T. 17). Vilnius, 1998. P. 133-145. Подробнее о культе Витаутаса в Литве см.: Alvydas Nikžentaitis. Das Vytautaskult in Litauen (15-20. Jahrhundert) und seine Widerspiegelung im Denkmal // Sven Ekdahl (Hg.). Das Denkmal im nördlichen Ostmitteleuropa im 20. Jahrhundert. Politischer Kontext und nationale Funktion (Nordost-Archiv. Bd. VI/1997. Heft 1). Lüneburg, 1997. S. 131-145; Alvydas Nikžentaitis. Witold i Jagiełło: Polacy i Litwini we wzajemnej stereotypie. Poznań, 2000.

Вильнюсского гетто в 1943 г.) объявили памятным днем. Этот факт, несомненно, свидетельствует о появлении в политике воспоминания совершенно новой тенденции, связанной с признанием того факта, что прошлое Литвы не является лишь прошлым литовцев.

В целом, смена праздничных и памятных дней в Литве в 1990 г. достаточно полно отражает весь спектр перемен в общественном восприятии прошлого переходного периода. На первый план по значимости вышли трагические события середины XX века, что неудивительно. Ярко выраженная тенденция поминовения жертв Второй мировой войны, геноцида и других трагических событий середины XX века характерна для культур воспоминания практически во всей Европе. Литва в данном случае выделилась лишь тем, что, исходя из специфики своего прошлого, объявила достойной общественного воспоминания не столько память о погибших во время войны, сколько о погибших во время геноцида евреев и депортаций литовцев в Сибирь. Также очевидны радикальное отвержение символов старого режима, которое характерно для большинства случаев перемены режимов,¹⁸ и тяга к традициям межвоенной Литовской Республики, которая отнюдь не всегда заканчивалась механическим заимствованием.

Как развивались эти тенденции после 1990 года? На мой взгляд, обсуждая дальнейшее развитие политики воспоминания в Литве, целесообразно отделить то, как политика воспоминания реагировала на факторы внешней политики, от того, какие перемены были спровоцированы преимущественно факторами внутренней политики (хотя такое разделение возможно только в аналитических целях; на практике воздействие этих факторов часто переплеталось).

Влияние внешнеполитических факторов на перемены общественного восприятия прошлого в Литве

Для политики воспоминания Литвы межвоенного периода, как и для других европейских режимов того времени, было характерно использование конфликтных стратегий, которые возникали, прежде всего, на основе программы литовского национализма по отделению литовцев от поляков и немцев. Активную эскалацию этих стратегий также можно объяснить стремлением обосновать литовские права и поддержать претензии на “ирредентные территории” – Вильнюсский и Клайпедский края. Заявив, что Польша незаконно оккупировала Виль-

¹⁸ Сравни: Paul Connerton. *How Societies Remember*. New York, 1989. P. 7.

нюсский край, до ультиматума 1938 г. Литва не имела официальных дипломатических отношений с Польшей. В то же время в Клайпедском крае, присоединенном военным способом в 1923 г., Литве пришлось столкнуться с нелояльным, поддерживаемым Германией контингентом местных жителей. Поэтому и в силу ряда других причин Литва не смогла успешно интегрировать Клайпедский регион. Соответственно, в межвоенной Литве были крайне актуальны те символы и образы прошлого, которые провоцировали и активизировали антипольские и антинемецкие ориентации населения. Однако в послевоенный период Литва, по сути, интегрировала обе территории, и связанный с ними конфликтный потенциал в ориентациях общественного воспоминания был в значительной степени устранен.

Но это вовсе не означает, что общественное восприятие прошлого в Литве перестало зависеть от внешнеполитических ориентиров. Трудно не заметить, что оно подчинялось логике решения основной внешнеполитической цели независимой Литвы, которая в 1993–1994 гг. формулировалась как интеграция в евро-атлантические структуры (Европейский Союз и НАТО).

Это совпало с историографической актуализацией темы европеизации страны. Около 1993–1995 г. литовская историография предложила новую концепцию приобщения Литвы к Европе. В конце XX века эта концепция прекрасно соответствовала целям мобилизации общества, но она подрывала некоторые мифы “националистической” концепции. Так, “националистическая” концепция призывала литовцев гордиться тем, что они были последними язычниками Европы, принявшими крещение лишь в 1387 г. Новая концепция осмысливала этот факт как проявление отсталости Литвы в рамках западноевропейской цивилизации. Прошлое Литвы со времен Миндаугаса (XIII в.) до настоящего времени в этой концепции представлялось как динамичная история приобщения к Европе – в одни периоды оно замедлялось, в другие – ускорялось, однако само приобщение было закономерным. Сразу замечу, что советский период не вмещался в эту схему, поскольку связывался с отпадением от Европы. Группа литовских историков, предпочитавшая изображать прошлое своей страны как нарратив о движении вслед за культурными и политическими достижениями Европы, хорошо понимала внешнеполитические стратегические цели Литвы. Вступление в Европейский Союз и НАТО требовало от Литовского государства выполнения множества условий, связанных с политически весьма непопулярными внутренними реформами (изменение законодательства, повышение налогов и пр.).

Все это в целом создавало впечатление, что Литва является отсталым государством и нуждается в резкой модернизации. Чем скорее она достигнет планки, установленной евро-атлантическими структурами, тем быстрее станет членом ЕС и НАТО. Неудивительно, что упомянутая группа историков имела возможность постулировать свою концепцию догоняющего развития Литвы в русле европейской истории не только в обычном для историков текстуальном формате, но и посредством других медиумов, например, на национальном телевидении.

Это значит, что концепция приобщения к Европе коснулась не только историографии, но и гораздо более обширного пространства общественной коммуникации Литвы. Достаточно скоро вызовы евро-атлантической интеграции получили отражение и в школьных учебниках. В серии новых школьных учебников по курсу истории Литвы для VI–X классов, выпущенной в 1993–1995 годах, история Литвы все еще представлялась довольно изолированно.¹⁹ Однако в 1998–1999 годах вышла новая серия учебников истории для VI–X классов,²⁰ которая предлагала ученикам интегрированную концепцию истории Литвы и всемирной истории. Такой принцип преподавания истории, существовавший и в гимназиях довоенной Литвы, разумеется, облегчал ученикам возможность восприятия истории Литвы в контексте истории преимущественно западно- и центральноевропейских государств.

В 2004 г., когда Литва наконец стала членом ЕС и НАТО, это достижение было сразу закреплено в поправке к Закону о памятных днях.²¹ Поправка предписывала 29 марта отмечать день вступления Литвы в НАТО, 1 мая – день вступления в ЕС, а 9 мая (весьма символично) – как день Европы.²²

¹⁹ Juozas Brazauskas. Lietuvos istorija nuo seniausiųjų laikų iki Liublino unijos: VI–VII klasės vadovėlis. Kaunas, 1995; Juozas Brazauskas. Lietuvos istorija nuo Liublino unijos iki 1918 metų: VIII–IX klasės vadovėlis. Kaunas, 1995; Juozas Brazauskas. Lietuvos istorija nuo 1915 iki 1953 metų: X klasės vadovėlis. Kaunas, 1993.

²⁰ Benediktas Šetkus, Liucija Pobedinska. Senovės istorija. Vilnius, 1998; Rimantas Jokimaitis, Algis Kasperavičius, Eugenijus Manelis, Beatricė Stukienė. Pasaulio ir Lietuvos istorija VI–XVIII amžiai: vadovėlis 8 klasei. Vilnius, 1999; Juozas Brazauskas, Saulius Jurkevičius, Kęstutis Petrauskis. Naujųjų amžių istorija: nuo Didžiosios prancūzų revoliucijos iki Pirmojo pasaulinio karo pabaigos: vadovėlis 9 klasei. Vilnius, 1999; Rimantas Jokimaitis, Algis Kasperavičius (Sud.). Naujausiųjų laikų istorija. Vilnius, 1998.

²¹ LR Atmintinų dienų įstatymo 1 straipsnio pakeitimo įstatymas. 2004. IV 1. Nr. IX-2099 // Valstybės žinios. 2004. IV 16. Nr. 55-1890.

²² С 1985 г. в Европейском Сообществе 9 мая отмечают предложение Робера Шумана 1950 г., которое стало первым шагом в сторону евроинтеграционного процесса.

Таким образом, евро-атлантическая интеграция Литвы создала необходимость в весьма обширной программе по переработке памяти. Потребность в формировании прозападного настроения населения делала эскалацию конфликтного потенциала воспоминаний, отдалявших эту цель, неуместной. Соответственно, вставал вопрос о выборе стратегий преодоления травматического для литовцев прошлого, связанного с Холокостом и польско-литовскими отношениями. В первом случае уже в 1990-х годах государство избрало стратегию публичного признания и морального покаяния за участие литовцев в Холокосте на территории Литвы в годы немецкой оккупации. В течение первого десятилетия независимой Литвы с декларациями покаяния выступил не один государственный руководитель, на эту тему высказалась даже Католическая церковь Литвы, а символом покаяния стало публичное извинение за литовцев, принимавших участие в Холокосте, с которым тогдашний президент Литвы Альгирдас Бразаускас выступил в израильском Кнессете 1 марта 1995 г. Несмотря на это, довольно трудно судить о том, насколько такие покаяния отражали настроения жителей Литвы, поскольку тема Холокоста у большинства литовцев, увы, до сих пор не вызывает никаких особых эмоций. Дело в том, что в советской Литве тема Холокоста была практически изъята из культуры воспоминания,²³ поэтому начавшая распространяться в 1988 году информация о том, что Литва утратила 94% своих евреев и что многие из них пали жертвами не только немцев, но и литовцев, вызвала в обществе своеобразное состояние “аффекта”. Преодолеть это состояние внутри страны, разумеется, гораздо сложнее, чем предпринимать некие действия на внешнеполитическом уровне. Просветительские меры, призванные распространить знание о Холокосте, Министерство образования утвердило лишь в 2003 г., но это было в большей степени ответом на рекомендации европейских ведомств. Поэтому очевидно, что стратегии коллективной амнезии и перебрасывания ответственности на “немцев” все еще сильны и трудно уступают место стратегии переработки памяти,²⁴ связанной с принятием

²³ См.: Michael Kohrs. Die offizielle Darstellung des Holocaust in der Sowjetzeit (1945–1990) // Vincas Bartusevičius, Joachim Tauber, Wolfram Wette (Hg.). Holocaust in Litauen: Krieg, Judenmorde und Kollaboration im Jahre 1941. Köln, Weimar, Wien, 2003. S. 247-261. Недавно в Клайпедском университете защищена диссертация, посвященная проблеме памяти Холокоста в Литве: Hektoras Vitkus. Holokausto atminties raida Lietuvoje. Daktaro disertacija. Klaipėda, 2008.

²⁴ Подробнее о некоторых стратегиях см.: Siegmар Schmidt, Gert Pickel, Susanne Pickel (Hg.). Amnesie, Amnestie oder Aufarbeitung? Zum Umgang mit autoritären Vergangenheiten und Menschenrechtsverletzungen. Wiesbaden, 2009.

коллективной ответственности. Возможно, такую ситуацию объясняет именно то, что выбор в пользу последней слишком часто делается не столько в силу изменившихся ценностных ориентиров населения страны, сколько в связи с имиджем Литвы за границей.

Гораздо успешнее в последние 15 лет шло преодоление другого травматического для многих литовцев аспекта прошлого, связанного с польско-литовскими отношениями. Проблемы прошлого увеличивали дистанцию между Польшей и Литвой начиная с 1989 г. Курс на их преодоление осложнялся реакцией Литвы на партикуляристские настроения среди польского населения юго-восточных районов страны, что особенно остро проявилось в конце 1991 г. Поэтому до 1993–1994 гг. негативные символы и образы прошлого, связанные с литовско-польскими отношениями, циркулировали достаточно активно. Следует заметить, что в Литве существовали политические силы, стремившиеся к тому, чтобы поставить урегулирование польско-литовских отношений в зависимость от признания Польшей своей “вины” перед литовцами в прошлом. “Националистическая” концепция прошлого учила литовцев, что в 1920–1921 годах Польша “незаконно” присоединила Вильнюсский край. Кроме того, в Литве было немало живых свидетелей, которые помнили, как Армия крайова в Вильнюсском крае во время немецкой оккупации не только действовала против литовской администрации, но и истребляла литовцев. 14 июля 1993 г. правительство Литвы создало комиссию в составе семи историков, которая должна была дать оценку действий Армии крайовой. Выводы комиссии были подтверждены 29 декабря того же года. Руководствуясь предпосылкой наличия у литовцев “исторических прав” на Вильнюсский край, комиссия утверждала, что действия Армии крайовой “имели не только анти-немецкий, антисоветский, но в не меньшей степени и антилитовский характер”; она “подавляла литовскость в Восточной Литве и ждала момента, когда появится возможность занять Вильнюс”, а ее партизаны в Литве терроризировали и убивали “преимущественно литовцев”.²⁵ Инструментализация таких выводов – особенно с учетом того, что в Польше действия Армии крайовой в годы войны героизировались, – могла только осложнить отношения между двумя странами. Однако инструментализации удалось избежать во многом благодаря пониманию, что дружеские отношения с Польшей (как и с Израилем) желательны в свете политического курса на евро-атлантическую интеграцию,

²⁵ Komisijos Armijos krajevios veiklai Lietuvos įvertinti išvados // Armija krajoiva Lietuvoje. Kaunas, 1995. Pp. 122-124.

особенно – на вступление страны в НАТО. Поэтому уже с 1993 г. в отношениях между обеими странами крепла прагматическая линия, которая, в конце концов, привела к заключению договора о дружеских отношениях и сотрудничестве в апреле 1994 г. (Литва была последней соседней страной, с которой Польша заключила такого рода договор²⁶). Можно сказать, что нормой стал такой политический курс, в котором преобладают усилия больше не заниматься эскалацией проблемных символов и представлений прошлого. Правда, в таком случае остается мало места для переработки памяти в виде свободных дискуссий о болезненных моментах прошлого. Этим, как и в случае Холокоста, занимаются лишь профессиональные историки. В общественном же дискурсе употребляются стратегии, направленные на деактуализацию или общественное забвение конфликтных моментов истории, поскольку они позволяют уклоняться от вопроса об ответственности. Это происходит посредством

1) использования “позитивного прошлого”. Так, сосуществование ВКЛ и Королевства Польского в унии начиная с конца XIV до конца XVIII вв. становится образцом для сотрудничества в настоящем. Один из новейших тому примеров – провозглашение 3 мая, дня конституции 1791 года, памятным днем;²⁷

2) применения стратегий “съема напряжения” и согласования позиций. Так, представление аспектов прошлого, которые могли бы вызвать трение в настоящем, смягчается в школьных учебниках по истории,²⁸ чему сопутствует и деятельность специальной двухсторонней комиссии по рассмотрению проблем исторического обучения, созданной на основе подписанного в конце 1998 г. польско-литовского соглашения. Началось осуществление проекта подготовки общего литовско-польского учебника по истории, отражающего взаимно согласованные позиции его авторов с обеих сторон;

3) применения стратегии амнистии. Так, бывшие вражеские стороны времен войны – представители союза воинов-ветеранов Местного соединения Литвы и клуба ветеранов Армии крайовой – 2 сентября 2004 г. были приглашены к президенту Литвы, в присутствии которого

²⁶ Сравни: Tim Snyder. National Myths and International Relations: Poland and Lithuania, 1989-1994 // East European Politics & Societies. 1995. Vol. 9. No. 2. Pp. 317-343.

²⁷ LR Atmintinų dienų įstatymo 1 straipsnio papildymo ir pakeitimo įstatymas. 2008. V 13. Nr. X-1537 // Valstybės žinios. 2008. V 31. Nr. 62-2335.

²⁸ Arūnas Vyšniauskas. Rusijos įvaizdis lietuviškuose istorijos vadovėliuose // Politologija. 2002. Nr. 2 (26). P. 18.

подписали декларацию о примирении.²⁹ Если при всем этом еще встает вопрос об ответственности, то он, как и в случае памяти о Холокосте, решается посредством перебрасывания ответственности на других (нацистскую Германию или СССР³⁰) – иными словами, применяется стратегия, которую Алейда Ассманн называет “экстернализацией”.³¹

Постоянное декларирование того, что Польша является важнейшим партнером Литвы, и устранение потенциально конфликтных образов прошлого дало очевидные результаты: по данным социологического опроса в 2006 г. 53,4% населения Литвы считали Польшу дружественным Литве государством.³²

На мой взгляд, одним из важнейших внутренних обстоятельств, которые содействовали столь удачному преодолению прошлого, следует считать тот факт, что в правомочности политического курса, инспирировавшего утверждение новых восприятий прошлого в общественной коммуникации, сомневались разве что маргинальные политические группировки. Все правящие политические силы Литвы с 1993–1995 гг. последовательно высказывались за интеграцию государства в евроатлантические структуры, при этом воспринимая Польшу как одного из главных партнеров. Однако применительно к внутривнутриполитическим факторам, оказывавшим влияние на политику воспоминания Литвы, такого политического единодушия не наблюдалось.

Воздействие внутривнутриполитических факторов на политику воспоминания Литвы

Не только внешнеполитические приоритеты Литвы, но и факторы внутренней политики оказывали влияние на то, какие интерпретации прошлого будут преобладать и какие символы и образы прошлого будут актуальны в общественной коммуникации. Однако прежде чем перейти к их обсуждению, следует обратить внимание на конфигурацию политических сил в Литве после 1990 г. На государственной политической

²⁹ Vilius Mackonis. Po 60 metų – simbolinė taika // Lietuvos rytas. 2004. IX 3. Nr. 204 (4164). P. 2.

³⁰ Из заявления президента Литвы Валдаса Адамкуса по случаю подписания декларации о примирении 2 сентября 2004 г. См.: <http://www.voruta.lt/archyvas/37/958>. Последнее посещение 8 августа 2009 г.

³¹ См.: Aleida Assmann. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München, 2006. S. 170-174.

³² Ainė Ramonaitė, Nerijus Maliukevičius, Mindaugas Degutis. Tarp Rytų ir Vakarų: Lietuvos visuomenės geokultūrinės nuostatos. Vilnius, 2007. P. 29.

сцене главные роли принадлежат двум группам акторов, которые, меняясь между собой, правят страной одни или привлекая в коалиции менее важных акторов. Первая из двух групп считает себя ключевой левой политической силой, ее основу, в сущности, составляет бывшая Коммунистическая партия Литвы (в 1990 г. переименована в Демократическую партию труда Литвы), которая в 2001 г. присоединила не столь многочисленную социал-демократическую партию и присвоила не только название, но и историю последней. Одна или в коалиции с более мелкими партиями центрально-левых взглядов, она преобладала во внутренней политике Литвы в периоды с 1992 по 1996 г. и с 2001 по 2008 г. Вторая группа акторов себя, соответственно, считает главной политической силой правых взглядов – это основанный в 1993 г. Союз отечества (партия консерваторов). Она образовалась из правого крыла Саюдиса (движения за Перестройку в Литве), кандидаты от которого составляли почти $\frac{3}{4}$ членов Верховного Совета в 1990–1992 годах. Вместе с более мелкими коалиционными партнерами Союз отечества доминировал в политической жизни Литвы в 1996–2000 г. и руководит страной начиная с 2008 г.

Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что от происходившей поочередно смены групп акторов, получавших большинство в Сейме, зависели и тенденции политики воспоминания. Дело в том, что Союз отечества, подавая себя как продолжателя деятельности Саюдиса, претендует на наследие движения, которому приписывается восстановление независимости Литвы. Тем временем левые должны смириться с тем, что из политического расчета им еще долго будут приклеивать ярлык “экс-коммунистов”. Защитной реакцией левых, вероятно, следует считать их постоянно растущую заинтересованность в том, чтобы показать, что коммунисты в советский период вовсе не были “коллаборантами оккупантов”, как утверждают правые, но “работали для Литвы”, по возможности стараясь использовать на благо республики все, что можно было “выжать” из СССР.³³ Обе группы политических акторов отличает еще и то, что для левых гегемонизация их дискурса (назовем его “утилитарным”) не является столь же актуальной, как для правых, и особенно для Союза отечества. То, что правые больше заинтересованы в утверждении определенных интерпретаций про-

³³ Подробнее об идентификациях с прошлым “левых” и “правых” см.: Rasa Čepaitienė. Lietuvių istorinės sąmonės tyrimų perspektyvos: ideologinis problemos lygmuo // Politologija. 2004. Nr. 3 (35). Pp. 84-100; Rasa Čepaitienė. Sovietmečio atmintis – tarp atmetimo ir nostalgijos // Lituaniстика. 2007. T. 53. Nr. 4 (72). Pp. 36-50.

шлого и гораздо активнее выступают с соответствующими инициативами, можно объяснить традиционной ориентацией Союза отечества на организации политзаключенных и ссыльных. Сначала члены этих организаций составляли преимущественную часть консерваторского электората, а в 2004 г. Союз политзаключенных и ссыльных Литвы (официально наиболее крупная политическая организация в стране) непосредственно соединился с Союзом отечества. За левыми же не стоят столь же специфические электоральные группы, для которых оценка прошлого имела бы принципиальное значение. Соответственно, не должно удивлять как то, что именно в периоды правления консерваторов предпринимаются наиболее активные попытки ориентировать в нужном направлении общественную культуру воспоминания, так и то, что эти попытки, в сущности, однонаправлены. Они насаждают “мартирологический дискурс” и превращают самопожертвование, мучения литовцев и их сопротивление “оккупациям” в середине XX века в наивысшую ценность.

Как и в других посткоммунистических странах Европы, в Литве начиная с 1990 г. правые политические силы стали прилагать усилия к тому, чтобы утвердить новое понимание “исторической справедливости”, которая формулировалась на основе отрицания предшествующего режима и восприятия последнего как марионеточного, возникшего вследствие оккупации. Именно правые политические силы Литвы, которые противопоставляли себя “экс-коммунистам”, имели шанс воплотить новое понимание “исторической справедливости”. В этом отношении на них рассчитывало множество людей, пострадавших от прежнего режима, особенно во времена сталинских репрессий. Прежде всего, они нуждались в юридической реабилитации. Уже 2 мая 1990 г. был сделан главный шаг в этом направлении – принят закон, восстановивший гражданские права лиц, депортированных из Литвы с 1940 по 1953 г. и осужденных за противостояние режиму (с оговоркой, что закон не применяется к “лицам, участвовавшим в преступлениях геноцида, а также в уничтожении и пытках безоружных людей”,³⁴ но она не всегда соблюдалась). С другой стороны, для групп, пострадавших от прежнего режима, было важно обличить тех, кто с эти режимом сотрудничал и приложил руки к их страданиям. Поэтому встал вопрос об ответственности, о том, кого следует считать “сотрудничавшими с оккупантами”. И вновь была избрана стратегия “экстернализации”.

³⁴ LR įstatymas Dėl asmenų, represuotų už pasipriešinimą okupaciniams režimams, teisių atstatymo. 1990. V 2. Nr. I-180 // Valstybės žinios. 1990. V 20. Nr. 14-386.

Почему главным “виновником” был избран Комитет государственной безопасности СССР, полагаю, объясняет контекст 1990–1991 годов. В этот период Литва еще не полностью контролировала внутреннюю ситуацию в стране – Москва вставляла палки в колеса литовской государственности посредством структур особого назначения. Постоянно возникали эксцессы, создававшие образ “коварного, всемогущего и всезнающего КГБ”, что было выгодно очень многим, поскольку позволяло “не видеть” фактов иного рода сотрудничества с “оккупационным режимом”. Ответственных чиновников Литовской ССР и даже бывших членов КПСС процесс люстрации не касался. Коммунистическая партия в Литве была запрещена 22 августа 1991 г.,³⁵ но большинство ее членов уже в конце 1990 г. вошли в новую партию, т. е. сменили название и легализовались по законам Литовской Республики. Этого было достаточно, чтобы последняя не привлекалась к люстрации. Следовательно, практически с самого начала в Литве были заложены основания симуляции процесса люстрации. Компрометировали этот процесс и цели, ради которых власть имущие использовали информацию о сотрудничестве с КГБ.

24 августа 1991 г. постановлением Верховного Совета была создана временная комиссия, которая получила в свое распоряжение остававшиеся в Литве архивы КГБ. Комиссия должна была исследовать деятельность Комитета госбезопасности, искать доказательства о сотрудничестве с ним депутатов и государственных чиновников.³⁶ Немного позже были установлены правила ее работы по выявлению среди депутатов Верховного Совета или местных городских и районных советов бывших сотрудников КГБ.³⁷ До конца 1992 г., когда был созван новый Сейм, в котором преобладали левые партии, комиссия обнаружила несколько “сотрудников” среди депутатов Верховного Совета, в том числе – первого премьер-министра независимой Литвы Казимиру Прунскене (в 2003 г. она была оправдана по решению суда). Некоторых обвиняли в “сотрудничестве” только потому, что в советское время они

³⁵ В запрете конкретно идет речь о меньшинстве бывшей Компартии, которое после XX съезда КП Литвы (декабрь 1989 г.) осталось лояльной Москве. См.: LR Aukščiausios Tarybos nutarimas Dėl LKP (SSKP) struktūrų veiklos Lietuvoje. 1991. VIII 22. Nr. I-1690 // Valstybės žinios. 1991. IX 10. Nr. 25-661.

³⁶ LR Aukščiausios Tarybos nutarimas Dėl Sovietų Sąjungos KGB veiklos Lietuvoje ištyrimo. 1991. VIII 24. Nr. I-1698 // Valstybės žinios. 1991. IX 10. Nr. 25-667.

³⁷ LR įstatymas Dėl deputatų, įtariamų sąmoningu bendradarbiavimu su kitų valstybių specialiosiomis tarnybomis, mandatų patikrinimo. 1991. XII 17. Nr. I-2115 // Valstybės žinios. 1992. I 10. Nr. 1-1.

выезжали за границу и впоследствии были вынуждены отчитываться о том, что делали в путешествии. Естественно, такая работа комиссии заставляла задумываться о том, насколько люстрация в Литве может быть политически нейтральной. Ответ можно было усмотреть в том, что активная работа комиссии по люстрации возобновилась только после того, как в 1996 г. власть в стране вновь перешла к правым. В Сейме 1996–2000 годов созыва вновь доминировали правые, и комиссия возобновила свою работу. 16 июля 1998 г. был принят закон, объявивший КГБ (и его институциональных предшественников) “преступной организацией, организовавшей на территории оккупированной СССР Литовской Республики военные преступления, геноцид, репрессии, террор и политические преследования”,³⁸ а 23 ноября 1999 г. вступил в силу закон о люстрации.³⁹ По закону 19 ведомств были признаны спецслужбами СССР, а лицам, сотрудничавшим с ними, предоставили 6 месяцев для добровольного признания. Непризнавшихся надлежало публично разоблачить специальной комиссии в составе 5 членов. Если комиссия устанавливала факт сотрудничества, информация оглашалась и следовали санкции, ограничивающие для обвиненного возможность занимать ряд должностей. Но поскольку комиссия вошла в силу к 2000 году, т.е. к моменту, когда правые вновь оказались в политическом меньшинстве, 5 лет она симулировала свою деятельность в прямом смысле этого слова. Только после скандала 2005 года комиссия вновь стала активно работать по раскрытию сотрудничавших с КГБ лиц. При этом в Литве до 2007 г. действовали два закона, регламентировавшие процесс люстрации (принятый в 1991 г. и принятый в 1999 г.). Наконец в 2006–2007 г. общественные деятели и политики в Литве признали, что процесс люстрации в правовом отношении зашел в тупик, превратившись в орудие политических манипуляций.

Люстрация была не единственной формой симуляции “исторического правосудия” в Литве. Подобная же симуляция характеризует и восприятие литовцами своего участия в Холокосте. К этому вопросу следует вернуться, чтобы понять, как стратегия перебрасывания ответственности (“экстернализация”) приводит к особому позициони-

³⁸ LR įstatymas Dėl SSRS valstybės saugumo komiteto (NKVD, NKGB, MGB, KGB) vertinimo ir šios organizacijos kadrinių darbuotojų dabartinės veiklos. 1998. VII 16. Nr. VIII-858 // Valstybės žinios. 1998. VII 22. Nr. 65-1877.

³⁹ LR Asmenų, slapta bendradarbiavusių su buvusios SSRS specialiosiomis tarnybomis, registracijos, prisipažinimo, įskaitos ir prisipažinusiųjų apsaugos įstatymas. 1999. XI 23. Nr. VIII-1436 // Valstybės žinios. 1999. XII 8. Nr. 104-2976.

рованию Холокоста в контексте сталинских репрессий, а проблема ответственности снимается в утверждении “пострадали все”. Как говорилось выше, руководители страны должны были официально признать, что литовцы во время немецкой оккупации принимали участие в Холокосте. Уже 8 мая 1990 г., когда в Берлине проходила конференция Всемирного еврейского конгресса, Верховный Совет Литвы направил ее участникам заявление “О геноциде еврейского народа в Литве во время гитлеровской оккупации”, в котором высказывалось сожаление в связи с участием литовцев в геноциде.⁴⁰ Но не такому покаянию суждено было обрести уважение и признание в современной Литве. Его потеснила трактовка, намеченная в трудах представителей литовской эмиграции, а с 1988 г. постепенно входившая в общественную коммуникацию внутри Литвы. В этом дискурсе сталинские депортации и уничтожение жителей Литвы также квалифицировались как геноцид. Самое интересное, что 2 апреля 1992 г. такая интерпретация была узаконена в рамках абсолютно непонятной с точки зрения общепринятой дефиниции “геноцида” формулировки “геноцид жителей Литвы”. Возможно, оказавшись под влиянием еще одного продукта интеллектуальной деятельности литовской эмиграции, так называемой теории “двойного геноцида”,⁴¹ депутаты Верховного Совета решили, что “истребление и пытки граждан Литвы, депортация ее жителей, совершенные в годы оккупации и аннексии Литвы нацистской Германией и СССР, соответствуют признакам преступления геноцида, предусмотренного нормами международного права”.⁴² Следовало ли из этого постановления, что оба государства – и Германия, и СССР – стремились к истреблению всех жителей Литвы? Абсурдно, но именно о таком восприятии событий свидетельствуют дальнейшие правительственные инициативы. Таким образом, Литва односторонне расширила дефиницию “геноцида”, представленную в Конвенции Генеральной Ассамблеи ООН 1948 г. о предупреждении преступлений

⁴⁰ Emanuelis Zingeris (Pareng.). *Atgimstanti Lietuva ir žydai*. Vilnius, 1997. P. 19.

⁴¹ Теория “двойного геноцида” основана на стереотипе “евреев–коммунистов” в Литве. Она гласит, что участие литовцев в Холокосте было реакцией на “геноцид литовцев”, осуществлявшийся в 1940-1941 гг. коммунистами, среди которых якобы преобладали евреи. Подробнее см.: Alfonsas Eidintas. *Das Stereotyp des “jüdischen Kommunisten” in Litauen 1940–41* // Bartusevičius, Tauber, Wette (Hg.). *Holocaust in Litauen*. S. 13-25.

⁴² LR įstatymas Dėl atsakomybės už Lietuvos gyventojų genocidą. 1992. IV 9. Nr. I-2477 // *Valstybės žinios*. 1992. V 10. Nr. 13–342.

геноцида и наказания за него,⁴³ и, наряду с геноцидом евреев, придала такой же статус “геноциду литовцев”. Правда, о “геноциде литовцев” прямо говорится достаточно редко, предпочтение отдается абстрактной формулировке “геноцид жителей Литвы”.

За постановлением о геноциде последовали дальнейшие инициативы. Министерство культуры и просвещения совместно с Союзом ссыльных и политзаключенных, желая “сохранить память о жертвах геноцида, совершенного СССР” (и только СССР!), 15 октября того же года создали Музей жертв геноцида. 29 октября Верховный Совет решил учредить Государственный центр исследования геноцида жителей Литвы, который 16 июля 1993 г. был реорганизован в Центр исследования геноцида и сопротивления жителей Литвы.⁴⁴ Последний должен был изучать историю истребления, пыток, депортаций, преследований и сопротивления оккупационным режимам жителей Литвы, а также заботиться об увековечивании памяти “погибших и замученных жителей Литвы”.⁴⁵ В новом законе от 5 июня 1997 г. Центру предоставлялись не вполне соответствующие принципам правового государства (в котором правосудие есть компетенция судов) полномочия. В законе указывалось, что задача Центра заключается в “воссоздании исторической истины и справедливости”.⁴⁶ Наконец в июне 2009 г. правые силы в Сейме пошли еще дальше, инициировав процедуру внесения поправки в Уголовный кодекс, намереваясь ввести уголовную ответственность для тех, кто “пропагандировал, отрицал, грубо умалял или оправдывал геноцид или другие преступления, совершенные коммунизмом или фашизмом”.⁴⁷

⁴³ О юридических контекстах употребления термина “геноцид” в Литве см.: Justinas Žilinskas. “Genocidas” – sąvokos traktuotė Lietuvoje ir užsienyje // *Genocidas ir rezistencija*. 2001. No. 2 (10). Pp. 109-113.

⁴⁴ LR Aukščiausios Tarybos nutarimas Dėl valstybinio Lietuvos gyventojų genocido tyrimo centro įsteigimo ir Lietuvos Respublikos įstatymo “Dėl ypatingos reikšmės archyvų išsaugojimo” įsigaliojimo tvarkos. 1992. X 29. Nr. I-3021 // *Valstybės žinios*. 1992. XI 30. Nr. 33-1012; LR Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centro įstatymas. 1993. VII 16. Nr. I-242 // *Valstybės žinios*. 1993. VII 28. Nr. 32-735; LR Seimo nutarimas Dėl Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centro įstatymo įgyvendinimo tvarkos. 1993. VII 16. Nr. I-243 // *Valstybės žinios*. 1993. VII 28. Nr. 32-736.

⁴⁵ LR Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centro įstatymas. 1993. VII 16. Nr. I-242 // *Valstybės žinios*. 1993. VII 28. Nr. 32-735.

⁴⁶ LR Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centro įstatymas. 1997. VI 5. Nr. VIII-238 // *Valstybės žinios*. 1997. VI 27. Nr. 60-1398.

⁴⁷ Проект закона см.: http://www3.lrs.lt/pls/inter2/dokpaieska.showdoc_l?p_id=344389. Последнее посещение 8 августа 2009 г.

Разумеется, истребление и депортации отдельных групп жителей Литвы в 1940 – 1953 гг. были огромной трагедией. По приблизительным подсчетам, от сталинских репрессий в Литве пострадало не менее 456 тысяч человек (или около 20% всех жителей Литвы на 1945 г.).⁴⁸ Понятно и стремление субъектов этой трагедии придать статус своим воспоминаниям. Все же не странно ли, что один геноцид – плановое истребление евреев как нации, – к которому были причастны и литовцы, отходит на второй план по сравнению с другим “геноцидом”? Формально понятие “геноцид жителей Литвы” оставляет место для включения в него евреев, но на самом деле имеются в виду вовсе не евреи. Офис Центра Симона Визенталя в Израиле, занимающийся преследованием нацистских военных преступников по всему миру, имеет основания упрекать Литву, в которой после восстановления независимости за участие в Холокосте был осужден лишь один человек (в 2001 г.).⁴⁹ При этом Литва утверждает, что осуществляет “историческую справедливость” и преследует исполнителей “геноцида”. Для исчерпывающего анализа этого явления, возможно, еще не пришло время, но предлагаю обратить внимание на два факта: 1) по данным переписи 2001 г. евреи составляют 0,1% жителей страны; 2) коллективное признание ответственности за соучастие в Холокосте для нынешних литовцев является травматическим, поскольку многие из них “об этом ничего не знали”. Можно сказать, что вопрос об ответственности в данном случае решается посредством “экстернализации” (ответственность переносится на Германию и СССР) и коллективной виктимизации литовцев, позволяющей отвести этот вопрос на второй план. Трудно судить, насколько преднамеренным является применение таких стратегий. Очевидна лишь тенденция формирования восприятия прошлого, основанная на концепции “геноцида жителей Литвы”. Опираясь на эту концепцию и поощряя возникающие на ее основе инициативы, правые политические силы Литвы создают условия, при которых у населения практически не возникает моральных проблем в связи с соучастием литовцев в Холокосте. Они сигнализируют людям, пострадавшим от репрессий 1940–1953 гг., что их чаяния находят отклик в политике правых, и тем самым заручаются определенной поддержкой большей части населения Литвы. Кроме того, коллективная виктимизация со-

⁴⁸ Arvydas Anušauskas. *Lietuvių tautos sovietinis naikinimas 1940–1958 metais*. Vilnius, 1996. Pp. 403-404.

⁴⁹ Rimgaudas Geleževičius. *Holokausto teisingumas ir restitucija Lietuvoje atkūrus nepriklausomybę (1990–2003)*. Vilnius, 2003. Pp. 73-75.

путствует формированию определенного доминирующего настроения в общественной коммуникации.

Но прежде чем обратиться к анализу этого настроения, следует обсудить еще один аспект осуществляемого правыми политическими силами государственного регулирования “исторической справедливости”. В ценностном дуализме восприятия недавнего прошлого (“преступники” – КГБ и “невинные жертвы” – ссыльные) некоторое время недоставало третьей – героической – компоненты, т. е. своей роли в истории еще не имели участники сопротивления. Несколько запоздалое появление этой группы в версии прошлого, доминирующей в Литве, можно объяснить героическим потенциалом совсем близкого настоящего, связанного с выходом страны из состава СССР. Погибшие во время попытки путча в Вильнюсе 13 января 1991 г. стали символом первой крови, пролитой за новую государственность. Не случайно уже в конце 1991 г. 13 января было объявлено памятным днем.⁵⁰

Героизацией участников сопротивления оккупациям правые активисты занялись только в 1996–2000 гг., что, очевидно, стало следствием давления соответствующих организованных групп интересов. Прежде всего, 23 января 1997 г. Сейм установил, кто из участников сопротивления 1940–1990 гг. попадает в группу “воинов-добровольцев”, а кого следует считать “участниками борьбы за свободу”. В зависимости от этого конкретное лицо получало права на соответствующие льготы.⁵¹ В новой редакции Закона о памятных датах, принятой в 1997 г., появилось несколько новых дат, связанных с обсуждаемой тенденцией политики воспоминания – День партизан (четвертое воскресенье мая) и День июньского восстания (23 июня).⁵² В ответ на инициативы отметить создание в 1949 г. партизанского Движения борьбы за свободу Литвы Сейм решил объявить 1999 год “Годом поминания борьбы за свободу”⁵³;

⁵⁰ LR Aukščiausiosios Tarybos Prezidiumo nutarimas Dėl Sausio 13-osios – Laisvės gynėjų dienos. 1991. XI 27. Nr. I-2028 // Valstybės žinios. 1991. XII 20. Nr. 35-958.

⁵¹ LR Pasiūlymų 1940–1990 metų okupacijoms dalyvių teisinio statuso įstatymas. 1997. I 23. Nr. VIII-97 // Valstybės žinios. 1997. II 7. Nr. 12-230.

⁵² LR Atmintinų dienų įstatymas. 1997. VII 3. Nr. VIII-397 // Valstybės žinios. 1997. VII 16. Nr. 67-1672. Вместо Дня партизан, отмечаемого в четвертое воскресенье мая, в 2000 г. был введен День почтения партизан и единства армии и общества, отмечаемый в третье воскресенье мая (LR Atmintinų dienų įstatymo 1 straipsnio papildymo ir pakeitimo įstatymas. 2000. V 16. Nr. VIII-1680 // Valstybės žinios. 2000. V 24. Nr. 42-1197).

⁵³ LR Seimo nutarimas Dėl 1999 metų paskelbimo Laisvės kovų minėjimo metais Lietuvoje. 1998. XII 10. Nr. VIII-968 // Valstybės žinios. 1998. XII 18. Nr. 111-3061.

2009 год, в свою очередь, был объявлен “Годом Движения борьбы за свободу Литвы”⁵⁴.

Проблема с подобными инициативами заключается в том, что любая героизация всегда удовлетворяет память одних современников и одновременно оскорбляет память других. Задача государства, по сути, и состоит в обеспечении того, чтобы на данной основе возникало как можно меньше конфликтов. Как с этим справляется Литва?

К участникам сопротивления, следуя закону 1997 г., были причислены четыре основные категории: 1) участники июньского восстания 1941 г. против отступавшей из Литвы Красной армии; 2) военнослужащие Местного соединения Литвы, действовавшего в феврале – мае 1944 г.; 3) военнослужащие созданного в конце июля 1944 г. Соединения защиты родины; 4) “партизаны, которые принадлежали структурам борцов за свободу”.⁵⁵ В случае представителей первой категории конфликтный потенциал возникает из следующих фактов: а) июньское восстание было направлено против отступавшей из Литвы Красной армии и началось в связи с нападением Третьего Рейха на СССР; б) образованное в результате восстания Временное правительство занимало пронацистские позиции и принимало участие в гитлеровской политике по отношению к евреям. Испытание этого конфликтного потенциала произошло после того, как в 2000 г. правые попытались придать заявлению о независимости, сделанному 23 июня 1941 г. Временным правительством Литвы, статус законодательного акта Литовского государства.⁵⁶ Тогда в стране возник скандал, авторов инициативы обвинили в том, что они хотят превратить Литву в союзницу нацистской Германии и взвалить на Литовское государство ответственность за все решения временного правительства Литвы, в том числе направленные против евреев.⁵⁷ Сам Сейм, не дожидаясь вето

⁵⁴ LR Seimo nutarimas Dėl 2009 metų paskelbimo Lietuvos Laisvės Kovos Sąjūdžio metais. 2009. I 20. Nr. XI-156 // Valstybės žinios. 2009. I 24. Nr. 9-319.

⁵⁵ LR Pasiūlymų 1940–1990 metų okupacijoms dalyvių teisinio statuso įstatymas. 1997. I 23. Nr. VIII-97 // Valstybės žinios. 1997. II 7. Nr. 12-230.

⁵⁶ LR 1941 m. birželio 23 d. Lietuvos laikinosios Vyriausybės pareiškimu “Nepriklausomybės atstatymo deklaravimas” pripažinimo Lietuvos Respublikos teisės aktu įstatymas (закон, принятый Сеймасом 12 сентября 2000 г., не вступил в силу).

⁵⁷ Kęstutis Gečas. Seimas perrašė šalies istoriją // Lietuvos rytas. 2000. IX 13. Nr. 215 (2960). P. 2; Kęstutis Gečas. Po valstybės pamatais – bomba // Lietuvos rytas. 2000. IX 14. Nr. 216 (2961). Pp. 1-2; Kęstutis Gečas. V. Landsbergis švelnina padėtį // Lietuvos rytas. 2000. IX 15. Nr. 217 (2962). P. 2; Perrašęs istoriją Seimas smogė šalies prestižui // Lietuvos rytas. 2000. IX 16. Nr. 218 (2963). P. 2; Rita Grumadaitė, Kęstutis Gečas.

президента, решил принятый им же закон считать недействительным. Кроме того, начиная с 1 января 2009 г. был отменен День поминовения июньского восстания.⁵⁸

Конфликтный потенциал вокруг представителей второй категории связан с тем, что Местное соединение Литвы а) формально подчинялось рейхсфюреру СС и действовало против “красных партизан”; б) преимущественно было направлено на сохранение литовских позиций в Вильнюсском крае и поэтому действовало против Армии крайовой. Этот конфликтный потенциал подвергся испытанию после того, как в начале 2004 г. президент Литвы посмертно наградил орденом бывшего командира этого соединения, генерала Повиласа Плехавичюса. Такой шаг вызвал бурную реакцию в Польше и среди польскоязычного населения Литвы. Как уже упоминалось, конфликт был частично амортизирован благодаря подписанию ветеранами декларации о примирении.

Третья категория героев также несет в себе конфликтный потенциал, связанный с тем, что в октябре 1944 г. в Жемайтии Соединение защиты родины сражалось с Красной армией как подразделение Вермахта. Этот конфликтный потенциал еще не прошел политическую проверку.

Обратим внимание, что учет протестов и уступки, на которые политические деятели пошли в случаях первых двух категорий героев, стали возможны в свете угроз внешнеполитическим приоритетам Литвы. Кроме того, Литва во всех трех случаях постоянно сталкивается с критикой со стороны России, власти которой считают, что все три категории героев воевали на стороне Гитлера против Красной армии. Но такого рода критику Литва чаще всего игнорирует, утверждая, что сопротивление действовало, прежде всего, в интересах независимости Литвы (к этому мы еще вернемся).

Однако наиболее значимый конфликтный потенциал связан с четвертой категорией героев – участниками партизанского сопротивления советскому завоеванию и режиму в 1944–1953 гг. И в данном случае конфликт разделяет не литовцев и “других”, а непосредственно самих литовцев. Партизанская война, ее смысл, а также насилия со стороны партизан, отнюдь не связанные с сопротивлением советскому режиму, до сих пор вызывают много дискуссий и среди профессиональных историков Литвы, и в обществе. Документальные свидетельства, которые

Sukandusi dantis Seimo dauguma atsitraukė // Lietuvos rytas. 2000. IX 20. Nr. 221 (2966). P. 2.

⁵⁸ LR Atmintinų dienų įstatymo 1 straipsnio papildymo ir pakeitimo įstatymas. 2008. V 13. Nr. X-1537 // Valstybės žinios. 2008. V 31. Nr. 62-2335.

нельзя считать исчерпывающими, показывают, что в ходе партизанской войны погибло 8,9 тысяч представителей мирного гражданского населения, что в два раза превышает число жертв среди представителей репрессивных структур и партийно-советского актива (погибло 4,6 тысяч).⁵⁹ А люди помнят не только то, о чем говорят документы. Но, несмотря на то, что по вопросу о партизанах даже историки Литвы еще не пришли к более или менее близким оценкам, существует реальная возможность, что заложенный в нем конфликтный потенциал будет ликвидирован авторитарным методом, посредством введения единой истины и криминализации альтернативных оценок. О таких намерениях свидетельствует начатая в Сейме в июне 2009 г. процедура внесения поправки в Уголовный кодекс: предлагается ввести уголовную ответственность для лиц, которые “клеветают на граждан Литовской Республики, участников Движения борьбы за свободу Литвы – воинов-добровольцев, в 1944–1953 годах ведших организованную вооруженную борьбу против советской оккупации”.⁶⁰

Появившаяся под давлением бывших партизан, эта инициатива свидетельствует, что Сейм Литвы, в принципе, готов превратить героизированную память о партизанах в канон. Это также означает, что выбирается самый примитивный метод подавления конфликтного потенциала памяти – криминализация “неправильного” суждения о прошлом. В свете всего сказанного можно, на мой взгляд, твердо констатировать, что в Литве еще не созрели обстановка и соответствующая решимость для продуктивной переработки памяти о многих событиях середины XX века. Пока преобладают другие стратегии, которые, с одной стороны, позволяют избегать острых вопросов, связанных с коллективной ответственностью, а с другой – содействуют формированию желаемого настроения в общественной коммуникации.

Новые ориентиры коллективной идентичности

Факты и тенденции, которые в настоящей статье осмыслены как составляющие политики воспоминания Литвы, в общественной коммуникации создают, по крайней мере, два эффекта. Во-первых, складываются

⁵⁹ Mindaugas Pocius. Antisovietinis ginkluotas pasipriešinimas Lietuvoje 1944–1953 m.: represinių struktūrų nuostoliai ir civilių gyventojų netektys // Lietuvos istorijos metraštis, 1997. Vilnius, 1998. P. 214.

⁶⁰ Проект закона см.: http://www3.lrs.lt/pls/inter2/dokpaieska.showdoc_l?p_id=344389. Последнее посещение 8 августа 2009 г.

условия для гегемонизации (превращение в то, что само собою разумеется) определенного восприятия прошлого. Во-вторых, формируются и поддерживаются определенные ориентации идентичности.

В открытых обществах такие эффекты общественного воспоминания используются в целях формирования гражданского согласия и налаживания отношений с соседними обществами. В начале 1990-х годов было много сигналов, позволявших надеяться, что Литва тоже пойдет по такому пути. Здесь можно вспомнить не только имевшие место в эти годы перемены в восприятии прошлого, но и появление совершенно новых тенденций в профессиональной историографии. “Националистическая” концепция прошлого страны подверглась серьезному пересмотру, выразившемуся не только в отвержении антипольских и антинемецких стереотипов, но и в ревизии содержания, которое должно составлять историю Литвы. Если ранее “националистическая” концепция признавала “собственным” лишь период с 1918 года, а из традиции ВКЛ присваивала только то, что можно было считать “литовским”, то новые историографические тенденции выражались во все более интенсивных попытках присвоить всю политическую традицию ВКЛ, начиная с основателя государства Миндаугаса (напомню, в 1990 г. день коронации Миндаугаса стал государственным праздником) и заканчивая включением в число “своих” сторонников воссоздания политической традиции ВКЛ рубежа XIX–XX вв. (так называемых крайовцев). Кроме того, как уже упоминалось, задача приобщения Литвы к Европе потребовала пересмотра большей части националистических мифов. Все это вызывает неоднозначную реакцию в обществе, что позволяет надеяться на успех процесса переработки памяти о прошлом до середины XX века.

Однако пока скромные попытки историков пересмотреть литовско-российское прошлое чаще всего наталкиваются на агрессивную реакцию. На мой взгляд, причина кроется в том, что преодоление болезненных аспектов литовско-российских отношений в нынешней Литве не является политически актуальной задачей. Скорее наоборот, чувствуется заинтересованность политиков в том, чтобы на этом направлении преобладала конфликтная стратегия. Именно поэтому возникает серьезное сомнение в открытости политики воспоминания в нынешней Литве.

Указанная заинтересованность, как можно догадаться, поддерживает, в первую очередь, посредством гегемонизации “правого” восприятия прошлого, и прежде всего – периода 1940–1990 гг. В 1990 г. независи-

мость Литвы осмысливалась как восстановление государственности периода 1918–1940 гг. В декларации 11 марта 1990 г. говорится буквально следующее: “восстанавливается действие суверенитета Литовского Государства, упраздненное в 1940 г. внешней силой”. Такой подход неизбежно делал проблемной оценку периода между 1940 и 1990 годами. Левые политические силы, возможно, решили бы этот вопрос иначе, но правые выбрали стратегию последовательной негативизации этих пятидесяти лет в прошлом Литвы XX века.

На самом деле восприятие советского периода среди населения Литвы никогда не было однозначным. Основываясь на том, что почти в каждой литовской семье были люди, в 1940–1953 гг. пережившие репрессии, можно предположить, что очень многие потенциально испытывали озлобление, основанное на соответствующих воспоминаниях. Но существовала и такая часть населения, которая воспринимала советский период прошлого Литвы совершенно иначе. Нельзя сбрасывать со счетов и феномен ностальгии, что-то похожее на немецкую *Ostalgie*, которая особенно усилилась после первых лет независимости. Сказанное подтверждают и социологические исследования, позволяющие полагать, что большинство жителей Литвы не имеет четкого отношения к советскому периоду, поскольку они видят и положительные, и отрицательные изменения, произошедшие в Литве после 1990 г.⁶¹ По данным 2005 года лишь 13% опрошенных оценивают этот период как “очень плохо”, а 63% респондентов оценили советский период в диапазоне от 5 до 10 баллов по десятибалльной шкале (где 10 – “очень хорошо”).⁶²

Правые же политические силы Литвы оценивают указанный период однозначно и стремятся к тому, чтобы их оценка стала “исторической истиной”. Ради этого активно используется термин “оккупация”, создающий ощущение чуждости (в общественной коммуникации эта тенденция стала заметна уже с осени 1988 г.⁶³). Под влиянием литовской эмиграции литовский эквивалент слова “советский” *tarybinis* в публичной риторике стал вытесняться словом *sovietinis*, которое создает ощущение чуждости обозначаемого им времени. Можно утверждать, что правые в этом отношении воспользовались не только конфликтным потенциалом, возникающим на основе воспоминаний пострадавших от советского режима и участников сопротивления, но и распространен-

⁶¹ Ainė Ramonaitė. *Posovietinės Lietuvos politinė anatomija*. Vilnius, 2007. P. 42.

⁶² *Ibid.* P. 43.

⁶³ Senn. *Op. cit.* P. 14.

ными в Литве 1989–1991 гг. антисоветскими настроениями населения, особенно усилившимися после акции 13 января 1991 г. в Вильнюсе. Вспомним, что именно в это время в трактовке “исторической справедливости” правых появилась роль “преступника” – КГБ – и концепция “геноцида”, проводимого Советским Союзом по отношению к “жителям Литвы”. Принципиально важно, что правые политические силы не только поддерживали такую трактовку, но и создали механизм ее воспроизведения без их непосредственного участия. Другими словами, были созданы условия для гегемонизации такого восприятия в общественной коммуникации.

Примером тому может служить создание механизма предъявления России требований возместить Литве ущерб, нанесенный ей в годы оккупации. Еще в 1992 г. правые силы инициировали референдум жителей Литвы, в котором вопрос о выводе бывшей Советской армии с территории Литвы был привязан к вопросу о компенсации ущерба. “За” тогда проголосовали 90,67% участников референдума, в котором приняли участие 76,05% граждан Литвы, обязав тем самым все будущие правительства Литвы каким-то образом решать вопрос компенсаций. В 1996–1997 г. правительство установило категории, по которым был подсчитан ущерб, цинично оценив жизни людей, погибших или депортированных в сталинские времена, в денежном выражении. Однако только после того, как Сейм в 2000 г. принял новый закон,⁶⁴ была создана специальная правительственная группа для окончательного представления цифр ущерба. 5 октября 2000 года правительство получило подсчеты, проведенные Институтом экономики и приватизации министерства хозяйства, согласно которым Россия должна выплатить Литве компенсацию в сумме 20 миллиардов долларов США (по курсу 1999 г.).⁶⁵ Перед новыми выборами в Сейм правые вновь “подкинули” правительству обязательство начать переговоры с Россией по этому вопросу. При этом они, похоже, отлично понимали, что государство не владеет действенными механизмами, позволяющими истребовать у России предъявленную ей сумму компенсации. Вероятно, именно поэтому кампания по возмещению ущерба больше ориентирована на внутреннюю ситуацию: она позволяет продемонстрировать, что Россия не обращает внимания на волю жителей Литвы, выраженную

⁶⁴ LR įstatymas Dėl SSRS okupacijos žalos atlyginimo. 2000. VI 13. Nr. VIII-1727 // Valstybės žinios. 2000. VI 28. Nr. 52-1486.

⁶⁵ Sovietų okupacijos padaryta žala – 20 milijardų dolerių // Lietuvos rytas. 2000. X 7. Nr. 236 (2981). P. 2.

на референдуме, и не принимает оценки прошлого, гегемонизированной по инициативе правых сил в Литве. С этим связано широкое распространение представления, согласно которому Россия вообще не признает факта оккупации Литвы. Хотя еще в договоре 1991 г. Российская Федерация признала, что Литва в 1940 г. не добровольно вошла в состав СССР, а была аннексирована, любые отклонения от этой позиции, появляющиеся в сфере общественной коммуникации России, способствуют гегемонизации “правого” восприятия прошлого Литвы, поскольку позволяют вновь и вновь эксплуатировать эту тему в общественной коммуникации.

Другим примером является использование до сих пор функционирующего механизма финансирования деятельности историков и исторических исследований. Он основывается преимущественно на субсидиях, так или иначе выделяющихся из государственного бюджета. Наиболее активно послевоенный период в Литве сегодня изучает упоминавшийся выше поощренный правыми силами Центр исследования геноцида и сопротивления. Как много места в его продукции занимают исследования явлений, не связанных с преступлениями “оккупантов” или сопротивлением им, хорошо видно по коллективной монографии “Литва 1940–1990 гг.”,⁶⁶ которая полна презрения к изучаемому периоду и посвящена преимущественно выявлению его отрицательных последствий. Школьные программы и содержание учебников также зависят от указанного механизма, поэтому у учащихся десятого класса послевоенный период будет, прежде всего, ассоциироваться со сталинским террором и сопротивлением,⁶⁷ а в одиннадцатом–двенадцатом классах они еще больше узнают о сопротивлении режиму.⁶⁸ Отмеченная ранее другими исследователями тенденция противопоставления в учебниках негативного послевоенного периода позитивным межвоенному и современному периодам,⁶⁹ по сути, подтверждает наблюдения, высказанные выше.

Третий пример того, что поощряется правыми, но не всегда и не обязательно ими самостоятельно выполняется, связан с утверждением установки на восприятие советского (не сталинского!) режима в Литве

⁶⁶ Arvydas Anušauskas (Vyr. red.). *Lietuva 1940–1990: okupuotos Lietuvos istorija*. Vilnius, 2005.

⁶⁷ Сравни: Jokimaitis, Kasperavičius (Sud.). *Op. cit.* Pp. 202-209, 222-227.

⁶⁸ Сравни: Rūstis Kamuntavičius, Vaida Kamuntavičienė, Remigijus Civinskas, Kastytis Antanaitis. *Lietuvos istorija 11–12 klasėms*. Vilnius, 2000. Pp. 426-458.

⁶⁹ Vyšniauskas. *Op. cit.* Pp. 19-20.

как преступного, сопоставимого в этом смысле с режимом нацистской Германии. В 1998 году президент Литвы своим декретом учредил международную комиссию по оценке преступлений нацистской Германии и СССР в Литве.⁷⁰ В рамках ее деятельности была запущена издательская программа, призванная утвердить такую точку зрения в историографии. 12–14 июня 2000 г. в здании парламента Литвы проходил конгресс “Оценка преступлений коммунизма”, в котором участвовали представители из 24 стран. В 2008 году Сейм сделал новый шаг в этом направлении, запретив собрания, где публично демонстрировалась бы любая символика режимов нацистской Германии и СССР (включая Литовскую ССР): гербы, флаги, знаки, униформы, гимны.⁷¹

Что же означают такие тенденции? Совершенно очевидно, что негативизация и дистанцирование от советского периода, СССР и коммунизма в Литве тесно связано с поддержанием соответствующего образа нынешней России, которая является наследницей СССР, понимает советское прошлое совершенно иначе, нежели это делается в Литве, и, мало того, еще и “не признает оккупацию”, и не платит Литве компенсацию. Такой образ России циркулирует в той же коммуникационной среде, что и концепция приобщения Литвы к Европе, формируя таким образом у населения Литвы четкие ценностные полюсы. Достаточно сказать, что, по данным социологического опроса 2006 г., 61,5% жителей Литвы смотрели на Россию как на наиболее недружественное Литве государство.⁷² В то же время, когда в 2003 г. проходил референдум о вступлении Литвы в Европейский Союз, “за” проголосовали 89,95% его участников (голосовали 63,37% от общего числа граждан, имеющих право голоса). Опираясь на эти данные, можно констатировать, что около двух третей населения Литвы потенциально настроены проевропейски и антироссийски.

Определенные ценностные полюсы складываются и по вопросу о традиции государственности Литвы. Переплетаясь с историографическими направлениями, которые, как уже упоминалось, присваивают всю политическую традицию ВКЛ, негативизация и отчуждение советского периода в общественной коммуникации оставляют лишь две категории

⁷⁰ LR Prezidento dekretas Dėl Tarptautinės komisijos nacių ir sovietinio okupacinių režimų nusikaltimams Lietuvoje įvertinti. 1998. IX 7. Nr. 159 // Valstybės žinios. 1998. IX 11. Nr. 80-2248.

⁷¹ LR Susirinkimų įstatymo 8 straipsnio papildymo įstatymas. 2008. VI 17. Nr. X-1609 // Valstybės žinios. 2008. VII 3. Nr. 75-2920.

⁷² Ramonaitė, Maliukevičius, Degutis. Op. cit. P. 29.

восприятия литовской государственности: “свое” государство и “чужая” оккупация. Следовательно, история Литвы состоит из трех потенциально “своих” периодов (середина XIII века – 1795 г., 1918–1940 г. и начиная с 1990 г.) и двух “чужих”, когда государственность Литвы прерывалась (1795–1918 и 1940–1990 г.). Считается, что “виновником” прерывания государственности в обоих случаях является один и тот же фактор – Россия. С точки зрения критической историографии, обоснованность этой схемы вызывает серьезные сомнения, ведь независимо от желания признавать это Россия на протяжении трех столетий была и продолжает оставаться одним из важнейших факторов, влияющих на развитие Литвы. Однако с политической точки зрения такая концепция оказывает четкое ориентировочное воздействие на общественное мнение, представляя Литву как не связанное с Россией государство, испокон веков принадлежавшее западной, а не восточной цивилизации. В такой “дымовой завесе” довольно просто принять “отсталость” Литвы, поскольку это была “отсталость” в западноевропейском контексте. Если Литва в определенные периоды своей истории лишалась проевропейской ориентации (и одновременно государственности), то это происходило только из-за недоброжелательности восточного соседа.

Именно утверждение и поддержание новой концепции государственности Литвы, как мне представляется, является основным последствием гегемонизации “правой” версии прошлого в общественной коммуникации. Героизация участников сопротивления, попытки монополизировать интерпретации таких весьма неоднозначно воспринимаемых явлений, как июньское восстание 1941 г. или партизанская война 1944–1953 гг., не только создают моральную защиту электорату правых, но и придают статус “исторической истины” такому восприятию, в котором правые, приписавшие себе определенное значение в событиях 11 марта 1990 г., предстают в роли продолжателей благого дела, хранителей наивысшей ценности – государственности Литвы. Для этого они готовы использовать и превозносить любые факты, которые хоть как-то могут свидетельствовать о попытках сохранения государственности даже в годы оккупации.

Так, в 1999 и 2000 гг. правые решили превратить в законодательные акты Литовского государства две декларации – заявление о независимости, сделанное 23 июня 1941 г. временным правительством Литвы, и декларацию Совета движения борьбы за свободу Литвы (организационной структуры партизан, далее СДБСЛ) от 16 февраля 1949 г. Как уже упоминалось, в случае с заявлением от 23 июня принятый

Сеймом закон так и не вступил в силу. Вопрос же о легализации задним числом декларации 1949 г. сомнений не вызвал. Соответствующий закон пояснял, что принявший эту декларацию СДБСЛ “был верховной политической и военной структурой, руководившей борьбой за свободу Литвы, и единственной законной властью на территории оккупированной Литвы”.⁷³ 12 марта 2009 г. Сейм пошел еще дальше, проголосовав за то, чтобы считать председателя президиума СДБСЛ Йонаса Жемайтиса (в период с 16 февраля 1949 г. до его смерти 26 ноября 1954 г.) “руководителем боровшегося с оккупацией Литовского государства, фактически исполнявшим обязанности Президента Республики”.⁷⁴ “Исторической истиной”, следовательно, становится положение, что в 1949–1954 г. существовало Литовское государство со своим президентом. Какая же роль в таком случае отводится фактору Литовской ССР? Похоже, поисками ответа на этот вопрос суждено заниматься лишь “экс-коммунистам”...

Таким образом, гегемонизация восприятия определенных тем в Литве происходит благодаря ряду факторов: во-первых, правые используют символы и представления прошлого для выгодного самопозиционирования на фоне других политических сил; во-вторых, между правыми и их электоратом складывается определенная зависимость; в-третьих, правые располагают многочисленными желающими обслуживать их потребности в определенном изображении прошлого. Все это создает ситуацию, в которой может существовать лишь одна “историческая истина”, задающая ясные полюсы ценностной шкалы общества. Создание условий для публичного проявления воспоминаний различных групп, устранение их взаимного конфликтного потенциала посредством наиболее продуктивного способа переработки памяти в такой ситуации, разумеется, невозможно, потому что любая гегемонизация восприятия прошлого не содействует взаимному уважению опыта различных групп общества, а ориентированные на это усилия по переработке памяти сводятся на нет.

⁷³ LR įstatymas Dėl Lietuvos Laisvės Kovos Sąjūdžio Tarybos 1949 m. vasario 16 d. deklaracijos. 1999. I 12. Nr. VIII-1021 // Valstybės žinios. 1999. I 27. Nr. 11-241.

⁷⁴ LR Seimo deklaracija Dėl Jono Žemaičio pripažinimo Lietuvos valstybės vadovu. 2009. III 12 // Valstybės žinios. 2009. III 19. Nr. 30-1166.

SUMMARY

Lithuanian scholar, Vasilius Safronovas, proposes an analytical overview of the politics of remembrance in present-day Lithuania. He traces transformations of historical concepts of the Lithuanian past throughout the twentieth century and shows how internal and external political factors have led to hegemonization of some particular versions of the past and memories of particular social and ethnic groups of the Lithuanian population. The author's main concern is current memorial constructions of the dominant canon of the history of Lithuanian statehood.